

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1(73)
doi: 10.17223/15617793/480/1

Как менялся подход к переводу «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык

Ксения Сергеевна Александрова¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, kseniaalexandrova@yandex.ru

Аннотация. Представлен сравнительный анализ пяти переводов «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык. Исследование разделено на пять частей, помимо введения и заключения: сравнение общего подхода и формальных различий, обзор расхождений в переводе топонимов и этнонимов, часть, посвященная экзотизмам и передаче прямой речи, анализ более сложных лексических нюансов и крупных синтаксических конструкций, а также указание на ряд неточностей и расхождений с оригинальным текстом. Автор делает выводы о том, как менялся со временем подход к переводу этого произведения.

Ключевые слова: Пушкин, переводы, «Путешествие в Арзрум», путевая проза, сравнительный анализ

Для цитирования: Александрова К.С. Как менялся подход к переводу «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/480/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/1

The change of approach to English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzrum*

Ksenia S. Alexandrova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kseniaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The author compares five English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzrum* that we know now. These are works made by Birgitta Ingemanson (1974), Ronald Wilks (1998), David and Ludmila Matthews (2003), Nicholas Pasternak Slater (2013), and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (2016). Four of these translations (the latter ones) have not been included into the latest bibliography of English translations and studies of Pushkin's works (1999). The growing number of translations may indicate an increasing interest to *A Journey to Arzrum*. This study aims to detect the translators' strategies (the level of domestication or foreignization) and their approach to Pushkin's work; to mark the mistakes and inaccuracies, stylistic features, lexical and syntactic peculiarities of translations and differences between them and between them and the original text. The study also shows how the translators' approach to *A Journey to Arzrum* changed over time. By pointing out all these we can conclude which type of audience suits each translation most and what the general tendency is. In the article the author gives basic information about these translations and their authors and analyze the examples according to the following sections: formal distinctions and main difference in the approaches; toponyms and ethnonyms; exoticisms and direct speech; stylistic peculiarities of the translations (where the author analyzes bigger, complicated, most stylistically expressive fragments of the text and variations in translating names and titles, along with noting syntactic peculiarities). The majority of inaccuracies the author has found come from David and Ludmila Matthews' translation. At the same time this work is the easiest to perceive for broad (especially non-academic) audience or readers that are not well familiar with Russian and Caucasian culture of that period (foreign-language quotes are translated as well as many exoticisms etc.). The other translators tend to save accurately the specificities of Pushkin's text and local peculiarities. The author states that, in general, earlier translators chose domestication as a strategy while the later ones preferred foreignization. The highest degree of foreignization in addition to tendency towards maximal figurativeness of the text is observed in Richard Pevear and Larissa Volokhonsky's version. The latter characteristic sometimes does not clearly match the lucidity of Pushkin's style. Birgitta Ingemanson with rare exceptions shows quite a good balance at this point in her translation. It is also interesting to mention that Nicholas Pasternak Slater tries to correct Pushkin's own inaccuracies. The author concludes that all the translations are done properly. Ingemanson's, Wilks', Pasternak Slater's and Pevear and Volokhonsky's versions are distinguished by a very accurate and thorough approach. However, Matthews' translation is good and unique in terms of accomplishing a specific purpose – being understandable by common readers. This way it serves to the popularization of *A Journey to Arzrum* among the English-speaking audience.

Keywords: Pushkin, translations, *A Journey to Arzrum*, *The Journey to Erzurum*, travel prose, comparative studies

For citation: Alexandrova, K.S. (2022) The change of approach to English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzrum*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/1

Введение

«Путешествие в Арзрум» – ярчайший образец путевой прозы А.С. Пушкина и самое большое его произведение, написанное в жанре путешествия. Считается, что произведения Пушкина довольно тяжело переводить на иностранные языки, в том числе и на английский. Однако постоянно появляются переводы и исследования его художественного творчества. К сожалению, документальные и критические (нехудожественные, non-fiction) произведения Пушкина до сих пор не были предметом такого живого интереса. Стоит обратить более пристальное внимание на документальную прозу, которая не доставляет столько трудностей в переводе из-за отсутствия особенностей строения стихотворного или просто художественного текста, относительно небольшого количества изобразительно-выразительных средств, простоты, «сухости» и ясности, сообразной с английским языком. Давно назрела потребность посмотреть, как это отразилось на переводах «Путешествия в Арзрум» – одного из наиболее заметных произведений Пушкина в этом жанре, можно ли проследить в них основные тенденции и каковы они, менялся ли подход к переводам со временем.

Насколько нам известно, на английский язык «Путешествие в Арзрум» было переведено пять раз и до сих пор эти переводы не подвергались подробному анализу (за исключением кратких отзывов и упоминаний в различных исследованиях) и не сравнивались между собой. При этом четыре из них не вошли в последнюю полную библиографию переводов произведений Пушкина на английский язык и англоязычных исследований, посвященных им [1] (три вышли после ее издания; еще один, вероятно, также был опубликован, когда библиография уже была в печати, но в этом случае утверждать однозначно нельзя). Учитывая, что указанные переводы сделаны в последние двадцать лет (два последних – фактически в последние семь лет), а до этого «Путешествие в Арзрум» долгое время не переводили вообще, можно констатировать возросший интерес переводчиков (и, возможно, аудитории) к произведению и потребность в анализе проделанной работы. Все это обосновывает необходимость заполнить существующее белое пятно и сделать анализ, сравнение и выявление стадийно-хронологических особенностей основных тенденций актуальными.

Первый перевод был выполнен Биргиттой Ингемансон во время ее работы над диссертацией в Принстонском университете и опубликован в 1974 г. [2] известным американским издательством «Ardis», специализирующимся на переводах русской литературы и посвященных ей исследованиях. Интерес к путевой прозе Пушкина пробудился у англоязычных исследователей как раз в 1970-х гг. В это и последующее десятилетия вышло довольно много работ, связанных с «Путешествием в Арзрум», что серьезно повысило степень изученности произведения, до сих пор не

привлекавшего внимания. Конечно, Ингемансон сыграла огромную роль в изучении путевой прозы Пушкина, поскольку ей принадлежат не только первый перевод «Путешествия», но и комментарии к нему, а также первые его исследования [3, 4].

Второй перевод вышел в 1998 г. [5] и имеет британское происхождение. Он издан в популярной серии Penguin Classics вместе с «Повестями Белкина» и другими произведениями. Его выполнил известный переводчик классической русской литературы Рональд Уилкс, предисловие к изданию написал литературный критик Джон Бэйли, тогда профессор Оксфордского университета.

Третий перевод тоже издан в Великобритании, его подготовили Дэвид и Людмила Мэтьюз для полного собрания сочинений русского поэта (том с «Путешествием в Арзрум» вышел в 2003 г. [6]).

Четвертый перевод издан не так давно – в 2013 г. [7]. Он опубликован вместе с переводом «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, при этом информация о нем не указана ни на обложке, ни в кратких аннотациях. Автор перевода – племянник Б.Л. Пастернака Николаас Пастернак Слейтер. Предисловие к изданию написал профессор Оксфордского университета Эндрю Кан. В предисловии о Пушкине говорится мало, он представлен лишь в русле его влияния на Лермонтова.

Последний на сегодняшний день перевод «Путешествия в Арзрум» опубликован совсем недавно. Он издан в 2016 г. [8] вместе с другими произведениями с подзаголовком «The Complete Prose of Alexander Pushkin», хотя в действительности этот том не является полным собранием пушкинской прозы. Его осуществила известная пара переводчиков – Ричард Пивер и Лариса Волохонская.

Первый перевод «Путешествия в Арзрум» был хорошо принят аудиторией (об этом вспоминала сама Б. Ингемансон), до сих пор активно используется исследователями, поэтому острой необходимости в новых переводах не было. Тем не менее за довольно небольшой срок вышло четыре новых перевода. Все они даже при первом рассмотрении имеют довольно яркие особенности и даже отличаются друг от друга. Интересно выявить, в чем именно заключаются эти различия.

Формальные отличия и общая разница в подходе

Первое, что бросается в глаза, – это разные варианты названия: «A Journey to Arzrum» в переводе Б. Ингемансон, «A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign» у Р. Уилкса, «The Journey to Erzurum During the Campaign of 1829» в переводе Д. и Л. Мэтьюз, «A Journey to Arzrum During The 1829 Campaign» у Н. Пастернака Слейтера и «Journey to Arzrum During the Campaign of 1829» у Р. Пивера и Л. Волохонской.

Конечно, сохранение заголовка в изначальном виде делает понимание содержания при первом знаком-

стве более полным. Возможно, вариант Ингемансон обусловлен желанием упростить эту довольно громоздкую конструкцию, чтобы облегчить восприятие и запоминание, сделать его более лаконичным с целью популяризации произведения (это был первый перевод, а значит, неспециалисты в большинстве своем совсем ничего не знали об этой работе Пушкина).

Много вопросов вызывает использование разных артиклей (или же их отсутствие) в переводе заглавия. Изменение оттенков смысла, порожденное этим различием, по-разному представляет путешествие Пушкина (как особенное, неповторимое, конкретное при определенном артикле, как рядовое, «одно из» – при неопределенном и еще более общее понятие, вид путешествия – в отсутствии артикля, что может смотреться странно в полном заголовке, где указан год). Безусловно, на восприятие заглавия влияют и разные варианты названия города, выбранные переводчиками («Arzrum» созвучно использованному Пушкиным, Erzurum – современное и, соответственно, более понятное). Как мы увидим, последний вариант предпочли только Мэтьюз, чей перевод как раз наиболее адаптирован для восприятия неподготовленным англоязычным читателем.

Если говорить о формальных отличиях, можно отметить то, что в переводах используются разные системы транслитерации (например, «Belov and Oryol» [6. P. 478] у Мэтьюз, «Belyov and Oryol» [5. P. 133] у Уилкса, «Belev and Ore!» у Ингемансон [2. С. 15], Пастернака Слейтера [7. P. 145], Пивера и Волохонской [8. P. 363]. В этом плане показательно, как передано турецкое название гермафродита: у Уилкса [5. P. 166] и Пастернака Слейтера [7. P. 173] – «Khos» ; у Пивера и Волохонской – «Hoss» [8. P. 391]; у Мэтьюз – «hoss» [6. P. 512]; у Ингемансон – «Xoss» [2. P. 70].

Содержание глав у Ингемансон, Уилкса, Пастернака Слейтера, Пивера и Волохонской оформлено, как у Пушкина – отдельными предложениями; у Мэтьюз – через точку с запятой.

Ингемансон, Уилкс, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская сохраняют французские отрывки текста, тогда как у Мэтьюз сразу приведен английский перевод. То же касается и других языков (например, латыни), если речь идет не о стихотворном тексте. Сведения о медицинском состоянии гермафродита и его ответ на вопрос о кастрации у Ингемансон, Уилкса, Пастернака Слейтера, Пивера и Волохонской приведены в тексте на латыни, а у Мэтьюз – на английском. Все авторы используют разные переводы литературных текстов («Илиада», «Стамбул гяуры нынче славят...», названия «Горе от ума», цитаты из Корана и т.д.).

Ингемансон, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская, как и Пушкин, первую главу начинают с многоточия в отличие от Уилкса и Мэтьюз. У всех переводчиков сохранены авторские примечания и добавлены собственные комментарии (последнее – за исключением Мэтьюз). Перевод Пивера и Волохонской снабжен словарем местных (кавказских) понятий.

Все это, конечно, кардинальным образом не меняет смысл, но в комплексе с другими деталями влияет на восприятие.

Топонимы и этнонимы

Отдельно можно сказать о том, как авторы переводят топонимы и этнонимы. Такого рода отличия начинают проследиваться с самого заглавия произведения, в котором фигурирует название города. Все переводчики, кроме Мэтьюз, выбрали максимально приближенное по звучанию к использованному Пушкиным «Арзрум» – Arzrum. Мэтьюз же остановился на более современном названии. В этом плане показателен перевод места, где Пушкин говорит о правильном и неправильных вариантах. У Ингемансон [2. P. 79], Уилкса [5. P. 172], Пивера и Волохонской [8. P. 395]: «Arzrum (incorrectly called Arzerum, Erzrum, Erzron)». У Мэтьюз: «Erzurum (incorrectly called Arzerum, Erzrum, Erzron)» [6. P. 517]. У Пастернака Слейтера: «Arzrum (wrongly called Arzerum, Erzrum, Erzron)» [7. P. 177]. Как видим, первые трое сделали совершенно одинаковый перевод, вариант Пастернака Слейтера отличается лишь использованием «wrongly», тогда как у Мэтьюз ключевой посыл изменен (правда, он не вступает в прямое противоречие с тем, что мы видим у других переводчиков).

Часть различий, связанных с топонимами и этнонимами, тоже влияет на восприятие текста, пусть и не так сильно. Уже упомянутую тенденцию к упрощению можно видеть, например, в переводе названия «Военная Грузинская дорога»: «The Georgian Military Highway» у Ингемансон [2. P. 20], «The Georgian military highway» у Уилкса [5. P. 136], «The Georgian Military Road» у Мэтьюз [6. P. 482], «the Georgian Military Highway» у Пастернака Слейтера [7. P. 147], «the Georgian military highway» у Пивера и Волохонской [8. P. 363]. Среди этнонимов отметим следующий пример: «Tartar bathhouse attendant» у Ингемансон [2. P. 38] и Уилкса [5. P. 148], «Tatar bath-attendant» у Мэтьюз [6. P. 490] и Пастернака Слейтера [7. P. 157] и «Tatar bath attendant» у Пивера и Волохонской [8. P. 375]. Здесь пары «road-highway» и «Tartar-Tatar» представляют чуть более архаичный и немного более современный вариант соответственно, однако в случае с первой парой не столько этимологически (этимология «highway» проследивается довольно глубоко), сколько в расхожем понимании, к тому же road – более общее понятие.

Больше русского колорита придает сохранение оригинального звучания названий. Например, у Ингемансон – «I went by to visit Goryachie Vody...» [2. P. 9], у Уилкса – «From Georgiyevsk I went to visit Goryachiye Vody...» [5. P. 135], у Мэтьюз – «I proceeded to the warm springs of the Goryachie Vody...» [6. P. 481], у Пастернака Слейтера – «I took a trip out of Georgievsk to the Hot Springs...» [7. P. 147], у Пивера и Волохонской – «From Georgievsk I went to see Hot Springs...» [8. P. 365]. В последних двух вариантах переводчики сделали буквальный перевод, тогда как Мэтьюз прибегли к своеобразной «расшифровке» названия. С одной стороны, этот ход помогает достигнуть и сохранения звучания, и смысловую ясности, с другой стороны рассчитан, скорее, на неподготовленную аудиторию.

Такой же техники Мэтьюз придерживаются и в передаче более образных топонимов. Например, «Rapid Beam (Beshenaya Balka)» [6. P. 487] у Мэтьюз, «Furious Gorge» [2. P. 29] у Ингемансон, «Frenzied Gorge» [5. P. 141] у Уилкса, «Raging Gorge» [7. P. 152] у Пастернака Слейтера и «Furious Gully» [8. P. 370] у Пивера и Волохонской. То, что в этом случае большинство переводчиков предпочли отказаться от сохранения фонетического своеобразия русской речи, обусловлено, скорее всего, именно яркой образной характеристикой исходного названия.

Стоит также остановиться на повторении неточностей, допущенных самим Пушкиным, а именно ошибок в воспроизведении грузинской лексики (подробнее о том, как повторялись, исправлялись или усугублялись эти ошибки в русских собраниях сочинений, см. [9]). Ингемансон сохраняет пушкинское «Tbilis-kalar», поясняя, как и Пушкин, прямо в тексте, что это значит «Hot City» [2. P. 39]. Мэтьюз же избегают «опасного» словосочетания, заменяя его на «The name itself...» и также поясняя, что название переводится как «Hot Town» [6. P. 495]. Практически идентичны варианты Пивера и Волохонской («Its very name (Tbilis-kalar) means “Hot City”» [8. P. 377]) и Уилкса («Its very name (Tbilis-kalar) means Hot City» [5. P. 150]), они не делают никаких исправлений. Пастернак Слейтер также, по сути, делает буквальный перевод пушкинского текста («Its very name (Tbilis-kalak) means 'hot city'» [7. P. 159]), но, как мы видим, в его варианте исправлена ошибка, которая в первую очередь бросается в глаза, – «kalar – kalak». Добавлять окончания именительного падежа и как-то избавляться от дефиса, в этом случае не характерного для грузинского языка, никто из переводчиков не стал.

Экзотизмы и прямая речь

Особый интерес представляют понятия, прочно связанные с местными реалиями и не всегда имеющие прямой перевод. Например, для перевода существительного «оказия» [10. P. 418] Ингемансон [2. P. 20], Уилкс [5. P. 136] и Мэтьюз [6. P. 482] использовали довольно точно отражающее смысл «opportunity»; Пастернак Слейтер [7. P. 148] сделал выбор в пользу фонетического соответствия, оставив «okaziya»; вариант Пивера и Волохонской («occasion» [8. P. 365]), с одной стороны, совмещает оба этих преимущества, с другой стороны, может показаться не таким точным, как «opportunity» (хотя, конечно, грань очень тонкая и во многом это дело вкуса).

Показательны решения, которые находят переводчики для обозначения средств транспорта. Пушкинское «коляски, брички, кибитки...» [10. С. 418] у Ингемансон переведено как «carriages, brichkas, and the hooded carts...» [2. P. 20], у Уилкса – «barouches, brichkas and covered wagons...» [5. P. 136], у Мэтьюз – «the carriages, the britzkas, the covered wagons...» [6. P. 482], у Пастернака Слейтера – «coaches and carriages, and the covered wagons...» [7. P. 148], у Пивера и Волохонской – «carriages, britzkas, kibitkas...» [8. P. 366]. Как мы видим, одни и те же слова могут быть

выбраны для разных понятий (например, «carriages» у Ингемансон, Мэтьюз и Пивера и Волохонской – это коляски, у Пастернака Слейтера – брички). Только Пивер и Волохонская сохраняют слово «кибитка», при этом все, за исключением Пастернака Слейтера, оставили «брички». Только Пивер и Волохонская оставляют в своем переводе «арба» (в этом месте «двухколесные арбы» [10. С. 418] – «two-wheeled arbas» [8. P. 366]), тогда как у остальных – «cart» (в этом месте у Ингемансон [2. P. 20] и Пастернака Слейтера [7. P. 148] – «two-wheeled carts», у Мэтьюз – «bullock carts» [6. P. 482], у Уилкса – «two-wheeled bullock carts» [5. P. 136]). Как видно, у Мэтьюз отсутствует информация о том, что арбы двухколесные, зато (как и у Уилкса) появилось дополнение о том, что они запряжены волами (чего нет у Пушкина).

Значительное место в произведении занимают ориентализмы (подробнее см.: [11, 12]). Остановимся на некоторых из них. Использованное у Пушкина «черкесский чекмень» [10. С. 415] переведено у Ингемансон [2. P. 16], Уилкса [5. P. 133], Мэтьюз [6. P. 479], Пивера и Волохонской [8. P. 363] как «Circassian jacket», а у Пастернака Слейтера – «Circassian chekmen» [7. P. 145]. Часто переводчики отказываются от использования экзотизмов, чтобы не затруднять понимание текста. Пастернак Слейтер в этом случае старается сохранять своеобразие местных понятий (что мы видим по предыдущему примеру). Но в этом нет четкой системы. В аналогичной ситуации (перевод слова «бурка») читаем: у Ингемансон [2. P. 25] и Уилкса [5. P. 139] – «felt cloak», у Мэтьюз [6. P. 484] и Пастернака Слейтера [7. P. 150] – просто «cloak», у Пивера и Волохонской [8. P. 368] – «burka».

Максимально отказываются от тактики сохранения экзотизмов Мэтьюз. Например, когда все остальные оставляют оригинальное название вина («“chikhir” wine» [2. P. 29] у Ингемансон, просто «chikhir» у Уилкса [5. P. 142], Пастернака Слейтера [7. P. 153], Пивера и Волохонской [8. P. 370]), Мэтьюз используют просто «Caucasian wine» [6. P. 488].

Конечно, употребляя специфические понятия, приходится активнее использовать пояснения в скобках и сноски. Но Мэтьюз упрощают даже те места, где комментарии дает сам Пушкин. Для этого они заменяют названия их краткими определениями. Например, у Ингемансон видим: «his sheep-skin papakha* and painted nails», в тексте сноски: «This is what Persian caps are called» [2. P. 31]. У Пастернака Слейтера: «his sheepskin papakha cap or his painted nails» (комментарии у него приведены в конце) [7. P. 153]. У Пивера и Волохонской: «his lambskin papakha* and painted nails», в тексте сноски: «So Persian caps are called. *Author.*» [8. P. 371]. У Уилкса: «his papakha* and his painted nails», в тексте сноски: «Thus Persian fur caps are called (A.S. Pushkin)» [5. P. 142]. У Мэтьюз эта же фраза переведена следующим образом: «his tall sheepskin Persian hat or his painted fingernails» [6. P. 488].

Иногда Мэтьюз просто убирают то, что поясняет сам Пушкин. Например «целый ряд катаров (мулов)» [10. С. 427] у Ингемансон [2. P. 34], Уилкса [5. P. 144],

Пастернака Слейтера [7. P. 155], Пивера и Волохонской [8. P. 372] переведен как «a whole line of katars (mules)», тогда как у Мэтьюз – просто «a whole line of mules» [6. P. 490].

«Шашлык» [10. С. 443] переведен у Ингемансон [2. P. 61] как «shishkebab», у Мэтьюз [6. P. 507] – как «shashlyks», у Уилкса [5. С. 161], Пивера и Волохонской [8. P. 386] и Пастернака Слейтера [7. P. 169] – как «shashlik». По сути это одно и то же, т.е. оба перевода верны. Возможно, Ингемансон выбрала более популярную форму, менее похожую на использованную у Пушкина и привычную русскому человеку, поскольку последняя в то время еще не так прочно вошла в обиход английского языка (о термине см., например, [13]).

Также следует отметить, что Ингемансон сохраняет звучание местных наречий, давая перевод в скобках (собственно, как это делает и Пушкин), например, «verbana at (give me a horse)» [2. P. 52]. Также поступают и Уилкс [5. P. 156], Пивер и Волохонская [8. P. 382] и Пастернак Слейтер [7. P. 165]. У Мэтьюз в этом случае видим просто: «Give me a horse...» [6. P. 502].

Если говорить об особенностях передачи речи, то, конечно, самым интересным будет отрывок, в котором фиксируется короткий разговор Пушкина с молодой калмычкой, поскольку его своеобразие основано на том, что девушка плохо владеет русским языком. У Ингемансон этот диалог передан очень подходящим образом: «“What's your name?” – *** – “How old are you?” – “Ten and eight.” – “What are you sewing?” – “Trousers.” – “For whom?” – “For self”» [2. P. 18]. Мэтьюз немного меняют структуру пушкинского предложения и практически полностью лишают речь девушки неграмотности (за исключением ответа о возрасте): «“What's your name?”, I asked. “How old are you?” “Ten and eight.” “What are you sewing?” “Trousers.” “For whom?” “For myself.”» [6. P. 480]. У Слейтера этот отрывок отличается от перевода Мэтьюз тем, что он приводит ответ девушки о ее имени звездочками (как у Пушкина) и по-другому передает окончание диалога: «“Who for?” – “Me”» [7. P. 147]). Это несколько обескураживает, поскольку неполнота вопроса Пушкина бросается в глаза не меньше, чем ответ калмычки, при этом оригинальное «“Портка”» [10. С. 417] по-прежнему никак не передано. У Уилкса диалог переведен вполне адекватно: «“What's your name?” '***.' “How old are you?” 'Ten and eight.' “What are you making?” “Trousers.” “For whom?” “Me”» [5. P. 35]. Хороший вариант перевода с удачным окончанием также сделали Пивер и Волохонская: «“What's your name?” – “* * *” – “How old are you?” – “Ten and eight.” – “What are you sewing?” – “Pant.” – “For whom?” – “For self.”» [8. P. 364].

Стилистические особенности перевода

Лексические нюансы, касающиеся перевода экзотизмов, проявляются и когда речь идет о передаче обычных русских названий (буквальным переводом или условно транскрибируя их), например, «Moscow

Telegraph» у Ингемансон [2. P. 47], Пастернака Слейтера [7. P. 162], Уилкса [5. P. 153], Пивера и Волохонской [8. P. 379]; «Moskovsky Telegraph» [6. P. 499] у Мэтьюз. В другом примере с названием газеты речь идет уже о выборе слова: «Тифлиссские ведомости» [10. С. 431] – «Tiflis Record» [2. P. 39] у Ингемансон, «Tiflis News» [7. P. 158] у Пастернака Слейтера и более архаичное «Tiflis Gazette» у Уилкса [5. P. 149], Мэтьюз [6. P. 494], Пивера и Волохонской [8. P. 375].

Стилистические предпочтения в передаче некоторых слов в разных переводах не меняют смысла и труднообъяснимы. Например, простое «Признаюсь...» [10. С. 414] в предисловии (у Ингемансон [2. P. 12] и Пивера и Волохонской [8. P. 361] – «I confess...») превращается у Уилкса [5. P. 131], Мэтьюз [6. P. 477] и Пастернака Слейтера [7. P. 143] в «I must confess that...». Далее это выражение встречается снова и переводится аналогичным образом.

Конечно, гораздо богаче стилистические нюансы в переводах фраз, где использованы изобразительно-выразительные средства. К примеру, снеговая гряда, «подпирающая небосклон» [10. С. 424], у Пастернака Слейтера – «sustains the horizon» [7. P. 153], у Ингемансон – «“holds up the horizon”» [2. P. 30], у Мэтьюз – «supported the horizon» [6. P. 488], у Уилкса – «props up the horizon» [5. P. 142], у Пивера и Волохонской – «props up the heavenly vault» [8. P. 371]. Как видим, здесь нет повторений, но очевидно, что вариант Пивера и Волохонской – самый сложный, и дополнительный эпитет делает фразу более вычурной.

Перевод разговорных выражений также представляет интерес. Здесь показательны слова Шереметьева по возвращению из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!» [10. С. 423]. У Пастернака Слейтера этот отрывок передан так: «Life in Paris is hard, my friend – there's nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [7. P. 152]. У Ингемансон: «It's terrible, brother, to live in Paris: there's nothing to eat; you can't get hold of black bread!» [2. P. 28]. У Уилкса: «It's rotten living in Paris, my friend: there's just nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [5. P. 141]. У Мэтьюз: «My dear fellow, it's difficult to live in Paris. There's nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [6. P. 486]. У Пивера и Волохонской: «Life in Paris is bad, brother: nothing to eat; no black bread for the asking!» [8. P. 369]. Перевод последних наиболее буквальный, но «for the asking» скорее обозначает то, что довольно легко достать, поэтому, возможно, не передает всей силы выражения «не допросишься». Вариант Ингемансон в общем и целом отражает простоту и лаконичность оригинального текста, но немного лишен его выразительности. В трех других переводах используется яркое устойчивое выражение, делающее, однако, фразу более громоздкой.

Отрывок, в котором Пушкин рассказывает о встрече с Фазиль-ханом, содержит и слово, употребленное в переносном значении («съехать»), и экзотизм («папах»), и передачу прямой речи, и довольно непростой для перевода эпитет («важно-шутливый»): «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.

Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости» [10. С. 424].

У Ингемансон он передан следующим образом: «He hoped to see me in Petersburg; he was sorry that our acquaintance would be of short duration, and so on.» With shame I was forced to abandon my pompously jocular tone and come down to ordinary European phrases. That was a lesson for our Russian tendency to make fun of others» [2. P. 30].

Пожалуй, «come down» – очень удачный выбор, отражающий разговорный характер и переносный смысл выражения «съезжать». Уилкс использует не такие простые слова и выражения («descend», «facetiousness», «phraseology»): «He hoped to see me in St Petersburg, he regretted that our acquaintance would be so short-lived and so on. To my shame I was compelled to abandon my mock-serious tone and descend to normal European phraseology. This was a lesson for Russian facetiousness» [5. P. 142].

Похожая ситуация и в переводе Пивера и Волохонской: «He hoped to see me in Petersburg; he was sorry that our acquaintance would be of short duration, and so on. Embarrassed, I was forced to abandon my pompously jocular tone and descend to ordinary European phrases. This is a lesson for our Russian love of mockery» [8. P. 371].

У Мэтьюз этот отрывок передан вполне удачно, обращают на себя внимание только составное сказуемое «expressed his regret», которого нет в оригинале: «He hoped to see me in Petersburg and expressed his regret that his acquaintance with me should have been so brief and so on. Ashamed, I was obliged to give up my gravely facetious tone and to resort to usual European phraseology. Here is a lesson for our Russian sarcasm» [6. P. 488].

У Пастернака Слейтера тоже видим вводное слово («and so forth»), которое частично нарушает лаконичность, динамику и некоторую тезисность пушкинского текста, к тому же «change» не передает образности оригинального выражения: «He had been hoping to meet me in Petersburg; he regretted that our acquaintance would be of brief duration; and so forth. I was shamefacedly obliged to drop my pompously jocular tone and change to ordinary European expressions. Here's a lesson for us Russians, with our fondness for banter» [7. P. 153].

Интересно, что в отрывке, где описывается обвал в горах, слово «мужик» Ингемансон [2. P. 32] переводит как «peasant», у Уилкса [5. P. 143], Пастернака Слейтера [7. P. 154] и Мэтьюз [6. P. 489] – просто «man», а у Пивера и Волохонской [8. P. 372] – «muzhik». В целом этот и предыдущие примеры показывают, что Пивер и Волохонская стараются оставить в своем тексте больше местных понятий, но какой-то единой системы нет, все очень относительно и касается конкретного примера. Как мы увидели, в некоторых случаях «транскрипцию» использует Пастернак Слейтер, тогда как Пивер и Волохонская отказываются от нее.

Надо отметить, что шутки (например, про чуму, про банщика, про грузинских старух и т.д.) во всех перево-

дах поданы хорошо, адекватно передают как юмор ситуации, так и своеобразие пушкинского слога, что можно считать несомненным достоинством работ.

Другие отличия, ошибки и неточности

С самого начала бросается в глаза то, что имя английского художника Джорджа Доу (George Dawe), которого Пушкин называл «Довом» [10. С. 415], у Мэтьюз обозначено как «Dow» [6. P. 479] (у Ингемансон [2. P. 16], Уилкса [5. P. 133], Пастернака Слейтера [7. P. 145], Пивера и Волохонской [8. P. 363] корректно – «Dawe»). Остается только гадать, результат ли это того, что Мэтьюз не осведомился, о ком идет речь, или они хотели таким образом передать тот вариант написания, который использовал Пушкин.

У Мэтьюз находим еще одну неточность. Искажает смысл перевод фразы «В Тифлисе надеялся я найти Раевского...» использованный ими вариант «In Tiflis I was happy to find Raevsky...» [6. P. 494]. Он не позволяет понять, что Раевского Пушкин не повстречал. У остальных она переведена корректно, хотя акценты расставлены по-разному и из-за порядка слов, и из-за использования разных времен: у Ингемансон – «In Tiflis I hoped to find Raevsky...» [2. P. 39], у Уилкса – «In Tiflis I was hoping to find Raevsky...» [5. P. 148], у Пивера и Волохонской – «I hoped to find Raevsky in Tiflis...» [8. P. 375], у Пастернака Слейтера – «I had hoped to meet Raevsky in Tiflis...» [7. P. 158].

Следующая смысловая ошибка Мэтьюз касается надписи на окне в доме Османа-паши: «тебе подобает связывать и развязывать» [10. С. 458]. Они перевели ее так: «It behoveth thee to bind and to be bound» [6. P. 521] (у Ингемансон: «it behooves you to bind and loose» [2. P. 85], у Уилкса: «it behoves you to tie and to untie» [5. P. 175–176], у Пастернака Слейтера: «It is for you to bind and to loose» [7. P. 181], у Пивера и Волохонской: «It befits you to bind and to loose» [8. P. 398]). Конечно, фраза в интерпретации Мэтьюз, с архаичными грамматическими формами и глаголом в активном и пассивном залоге, звучит очень поэтично, но искажает смысл цитаты. Тем более что в пушкинском тексте в ней нет витиеватости.

Также следует отметить ошибку (опечатку?) Мэтьюз в отрывке об армянских семьях. Там указано «some 25,000 families» [6. P. 496] (у Ингемансон [2. С. 42] и Пастернака Слейтера [7. P. 159] – «up to 2500 families» и «up to 2,500 families of them» соответственно; у Уилкса [5. P. 150] и у Пивера и Волохонской [8. P. 377] – «as many as 2,500 families»).

Довольно сложно понять, как лучше перевести пушкинское «обвал» [10. С. 426] (у Ингемансон [2. P. 32], Уилкса [5. P. 143], Пастернака Слейтера [7. P. 154], Пивера и Волохонской [8. P. 372] – «avalanche»; у Мэтьюз [6. P. 489] – «landslide»). «Avalanche» – скорее лавина (что логично, ведь речь идет о снеге в горах), тогда как «landslide» чаще используется, когда имеют в виду оползень или сель. Но, строго говоря, и то и другое может характеризовать довольно пространное «обвал».

В переводе Мэтьюз к фамилии Абрамовича добавлен титул «граф», чего нет у Пушкина – «Count Abramovich» [6. P. 521]. Ингемансон и Пастернак Слейтер не раскрывают фамилии («Mr. A*****» [2. С. 84], «Mr. A————» [7. P. 181]), тогда как у Пивера и Волохонской сначала «Mr. Abramovich» (со комментарием под сноской), потом просто «Mr. A» [8. P. 398], у Уилкса также сначала «Mr Abramovich», потом «Mr A.» [8. P. 175].

Интересно проследить, как авторы передали возгласы мальчишек «Христиан Христиан!..» [10. С. 453]: «Christians! Christians!..» [2. P. 76], «Christian! Christian!..» [6. P. 516], «Christiyan! Christiyan!» [8. P. 394], «Christians! Christians!..» [5. P. 170], «Christians! Christians!» [7. P. 177]. Ингемансон, Уилкс и Пастернак Слейтер отказались от передачи их своеобразного произношения, тогда как Мэтьюз и, в особенности, Пивер и Волохонская сделали это вполне удачно.

Таким образом, больше всего несоответствий и неточностей содержится в переводе Мэтьюз. Также у них нередки опечатки (например, лишняя буква в фамилии Orgaryov [6. P. 489], повтор предлога во фразе «asking his forgiveness for for taking such a liberty» [6. P. 491] и т.п.). Нельзя сказать, что перевод пестрит ошибками – в общем и целом он производит довольно благоприятное впечатление, в нем есть очень удачные решения; но, пожалуй, его можно назвать самым небрежным. Кроме того, этот перевод является наиболее упрощенным, понятным неподготовленному читателю (об этом говорит даже то, что Мэтьюз отказался от сохранения иноязычных цитат, некоторых экзотизмов и не совсем ясных обывателю понятий), а соответственно, стремится к доместикации. Конечно, такой подход имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, произведение много теряет без национального своеобразия, а перевод сильнее расходится с оригиналом. К тому же странным выглядит соседство в одном томе такого «адаптированного» варианта с переводами пушкинских планов, отрывков, критических заметок, которые вряд ли очень интересны именно неподготовленному читателю. С другой стороны, возможно, это шаг к популяризации произведения. В условиях, когда есть и переводы совсем иного характера, такое разнообразие может быть очень полезно для знакомства широкой аудитории с «Путешествием в Арзрум».

Остальные переводы больше стремятся к форенизации. Можно с уверенностью утверждать, что перевод Ингемансон не теряет своей актуальности и до

сих пор является одним из самых качественных, несмотря на то, что все переводы выполнены на достойном уровне. В нем удачно соблюден баланс между простотой и ясностью слога и своеобразием экзотического для англоязычного читателя текста, адекватно передан дух пушкинского произведения. Вышедшие после переводы, возможно, позволят составить наиболее полное представление о «Путешествии в Арзрум» читателю, который решится ознакомиться со всеми из них. Создается впечатление, что Уилкс, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская в некоторых случаях старались сделать текст более разнообразным и наполненным с художественной точки зрения. Иногда это не совсем оправданно и, возможно, мешает передаче простого и ясного пушкинского слога. В последнем переводе явно выражено стремление отразить особенности русской (и кавказской, восточной) действительности и речи. Интересно, что у Пастернака Слейтера мы видим попытку работать с неточностями, допущенными самим Пушкиным. Перевод Уилкса, за редким исключением, отличается взвешенностью и аккуратностью.

Заключение

Нельзя однозначно определить генеральную линию в рецептивной истории «Путешествия в Арзрум»: что бы мы ни утверждали, в любом из переводов получится найти исключения, мешающие планомерному развитию гипотезы. Однако, сделав определенные допущения и обобщения, можно выделить стадии и выявить закономерности. В целом переводчики скорее двигаются от доместикации, характерной для более ранних переводов, к форенизации, которая отличает последние из них. С одной стороны, это свидетельствует о возрастающем интересе к нашей культуре и желании как можно бережнее относиться к оригиналу, что, безусловно, является благоприятной тенденцией. Но, с другой стороны, уход от некоторой доли «хорошего» упрощения и англоизации к более скрупулезному следованию русским и кавказским реалиям, а также стремление точнее выразить смысловые нюансы зачастую заставляют конструировать громоздкие и вычурные фразы. Иногда такой подход лишает текст легкости и динамичности, присущей творчеству Пушкина. Получается, что выбор подобной стратегии, преследуя противоположные цели, может приводить к потере «пушкинского духа» и усложнять адекватное восприятие, ведь экзотическая составляющая «Путешествия в Арзрум» скорее второстепенна.

Список источников

1. Leighton L.G. A bibliography of Alexander Pushkin in English. Studies and Translations / foreword by J. Thomas Shaw. Lewiston : Edwin Mellen Press, 1999. 310 p.
2. Pushkin Alexander S. A Journey to Arzrum / trans. by B. Ingemanson. Ann Arbor : Ardis, 1974. 111 p.
3. Ingemanson B. Between Poetry and Fictional Prose: Aleksandr Pushkin's *Journey to Arzrum* // Selecta. Corvallis : Oregon State University Press, 1983. Vol. 4. P. 101–107.
4. Ingemanson B. The Movable Mountain. Pushkin's Ararat Scene and other Fiction in «A Journey to Arzrum» // Research Studies. Pullman: University of Washington Press, 1983. Vol. 52, № 3/4 (Sep/Dec). P. 127–137.
5. Pushkin Alexander. A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign // Tales of Belkin and Other Prose Writings / trans. by W. Ronald. London : Penguin Books, 1998. P. 129–179.

6. Pushkin A.S. The Journey to Erzerum // The complete works of Alexander Pushkin : in 15 vols / trans. by D. Matthews, L. Matthews. Downham Market: Milner, 2003. Vol. 13. P. 477–524.
7. Pushkin Alexander. A Journey to Arzrum During The 1829 Campaign // Lermontov Mikhail. A Hero of Our Time / trans. by S.N. Pasternak. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 141–184.
8. Pushkin Alexander. Journey to Arzrum // Novels. Tales. Journeys. The Complete Prose of Alexander Pushkin / trans. by R. Pevear, L. Volokhon-sky. N.Y. : Alfred A. Knopf, 2016. P. 359–401.
9. Чхайдзе Л.В. К источникам «Путешествия в Арзрум» // Временник пушкинской комиссии, 1976. Л. : Наука, 1979. С. 134–139.
10. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 412–462.
11. Абделькарем Н.Дж. Ориентализмы в произведении А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. № 2 (20). С. 183–190.
12. Абделькарем Н.Дж. Ономастические ориентализмы в очерках А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 84–90.
13. Davidson A. The Oxford Companion to Food. Oxford : Oxford University Press, 2014. 922 p.

References

1. Leighton, L.G. (1999) *A bibliography of Alexander Pushkin in English. Studies and Translations*. Foreword by J. Thomas Shaw. Lewiston: Edwin Mellen Press.
2. Pushkin, A.S. (1974) *A Journey to Arzrum*. Trans. by B. Ingemanson. Ann Arbor: Ardis.
3. Ingemanson, B. (1983) Between Poetry and Fictional Prose: Aleksandr Pushkin's Journey to Arzrum. In: *Selecta*. Vol. 4. Corvallis: Oregon State University Press. pp. 101–107.
4. Ingemanson, B. (1983) The Movable Mountain. Pushkin's Ararat Scene and other Fiction in "A Journey to Arzrum". *Research Studies*. 52 (3/4) (Sep/Dec). pp. 127–137.
5. Pushkin, A. (1998) A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign. In: *Tales of Belkin and Other Prose Writings*. Trans. by W. Ronald. London: Penguin Books. pp. 129–179.
6. Pushkin, A.S. (2003) The Journey to Erzurum. In: *The complete works of Alexander Pushkin: in 15 vols*. Trans. by D. Matthews, L. Matthews. Vol. 13. Downham Market: Milner. pp. 477–524.
7. Pushkin, A. (2013) A Journey to Arzrum during the 1829 Campaign. In: Lermontov, M. *A Hero of Our Time*. Trans. by S.N. Pasternak. Oxford: Oxford University Press. pp. 141–184.
8. Pushkin, A. (2016) Journey to Arzrum. In: *Novels. Tales. Journeys. The Complete Prose of Alexander Pushkin*. Trans. by R. Pevear, L. Volokhon-sky. N.Y.: Alfred A. Knopf. pp. 359–401.
9. Chkhaidze, L.V. (1979) К источникам "Путешествия в Арзрум" [To the sources of "A Journey to Arzrum"]. In: *Vremennik pushkinskoy komissii, 1976* [The Chronicle of the Pushkin Committee, 1976]. Leningrad: Nauka. pp. 134–139.
10. Pushkin, A.S. (1960) Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda [A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign]. In: *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 5. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. pp. 412–462.
11. Abdel'karem, N.Dzh. (2013) Orientalizmy v proizvedenii A.S. Pushkina "Puteshestvie v Arzrum" [Orientalisms in A.S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 2 (20). pp. 183–190.
12. Abdel'karem, N.Dzh. (2015) Onomasticheskie orientalizmy v ocherkakh A.S. Pushkina "Puteshestvie v Arzrum" [Onomastic orientalisms in A.S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 84–90.
13. Davidson, A. (2014) *The Oxford Companion to Food*. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторе:

Александрова К.С. – соискатель кафедры зарубежной журналистики и литературы московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: kseniaalexandrova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.S. Alexandrova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kseniaalexandrova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2018;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 13.11.2018;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.*